

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА
к первому изданию 1962 года

Легендарная трагическая фигура Пола Морфи занимала мое воображение много лет. Еще в середине тридцатых годов я начал подбирать материал для будущей повести. Писать первый вариант ее я начал в 1938 году. Материала было мало, он был отрывочен и недостоверен, источники часто противоречили друг другу.

В первом варианте повести я вынужден был фантазировать чрезвычайно широко, ибо живой ткани жизни героя не было, приходилось придумывать ее... По существу, не было ничего, кроме хронологических дат, да и в них царила путаница.

Немедленно после войны, в 1945 году, я вновь вернулся к истории Пола Морфи.

Читатели, которые помнят первую часть повести, напечатанную в 1946 году в журнале «Шахматы в СССР», наверное, удивятся, прочитав эту книгу. Они найдут, что расхождения весьма значительны. Объясняется это очень просто.

Я вернулся к Полу Морфи в третий раз в 1959 году. Любезность Ильи Львовича Майзелеса, известного коллекционера и знатока шахматной литературы, дала мне возможность пополнить источники, в частности приобщить к ним две уникальные книжки из коллекции Ильи Львовича.

Первая из этих книг – мемуарная монография племянницы Пола Морфи. Брошюра вышла в свет в Новом Орлеане в 1926 году и называется полностью «Жизнь Пола Морфи в квартале Вье-Каррэ

города Нового Орлеана и за границей, записанная миссис Реджиной Морфи-Вуатье».

Вторая книга — еще большая редкость, она является настоящей драгоценностью для исследователя и библиофила.

Она подписана анонимно — «Инглишмэн» («Англичанин»), а на самом деле принадлежит перу Фредерика Эджа, английского журналиста, бывшего секретарем Пола Морфи во время его путешествия по Европе. Книга вышла в Лондоне в 1859 году, в издательстве Уильяма Лея на Кинг-Уильям-стрит, на Стрэнде. Тираж не указан.

Полное название книги — «Пол Морфи, шахматный чемпион. Отчет о его карьере в Америке и Европе совокупно с историей шахмат и шахматных клубов, а также анекдотами о знаменитых маэстро».

Помимо этих двух источников, я использовал соответствующие разделы из книг Иоганна Левенталья, Макса Ланге, Филипа Серджента (в двух изданиях), Гезы Мароци и др. Надо сказать, что и в наши дни шахматная историография еще не установила точно многого.

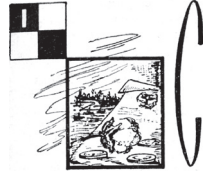
Например, даже такое крупное соревнование, как лондонский матч 1858 года Морфи — Левенталь, освещается различными авторами по-разному. Фред Эдж и миссис Реджина Морфи-Вуатье дружно указывают, что счет результативных партий был 9:3 в пользу Морфи и на этом матч закончился.

Однако Геза Мароци (работавший, в основном, по немецким источникам) приводит счет результативных партий 10:4 и повторяет это дважды. У немца Макса Ланге также говорится о счете 9:3. Откуда же взял Г. Мароци свои данные? По-видимому, были сыграны еще какие-то партии, не попавшие в зачет. Одни авторы их признают, а другие нет.

Сто лет — не такой уж большой срок, но я предпочел довериться современникам и очевидцам, поскольку установить истину практически невозможно.

В счете Мароци больше нигде не расходится с Эджем, но он во многих местах изменяет последовательность партий и датировку их. Я во всех случаях придерживался данных Эджа, хотя это и не имеет большого значения для чисто беллетристической вещи.

Первые две из вышеупомянутых книжек были мной положены в основу этой повести, и, вооружась ими, я переписал своего «Пола Морфи» почти что заново, сохранив от первого варианта лишь небольшие кусочки. В первой части их много, во второй значительно меньше.

моря дул влажный ветер. Полосатые тенты над витринами лавок надувались и хлопали, как паруса. Казалось, благоденственный город Новый Орлеан, словно корабль, сорвется сейчас с причала и уплывет в голубую Дымку теплых морей.

На пустынной набережной фыркала и рыла землю передней ногой выхоленная, породистая кобыла. Курчавый негритенок держал ее за уздечку, ласково бормоча. Лошадь прижимала уши, мотала узкой, злой мордой, и клубы пыли поднимались из-под ее нетерпеливой ноги. Негритенок оглянулся на высокое каменное крыльцо с голубой вывеской:

ДЖЕРЕМИ ХОРН
Маклер по хлопку

Послышались громкие голоса, дверь растворилась, и высокая, сухая фигура плантатора Джеральда Аллисона показалась на крыльце. Негритенок застыл, вцепившись в уздечку.

— Убирайтесь к черту, — спокойно сказал Аллисон.

Лицо его, молоджавое для пятидесяти лет, было угрюмо. Каштановые усы, свисавшие по углам рта, лишь подчеркивали жесткость очертаний. Он неторопливо спустился по каменным ступеням, а за ним клубком скатился хозяин конторы, толстяк с постной физиономией квакера.

— К черту, Хорн! — повторил, не оборачиваясь, Аллисон. — Вы хотите наступить мне на горло... Эй, лошадь!

— Мистер Аллисон! — затараторил маклер. — Вы не первый день знаете Джо Хорна, сэр... Клянусь всеми святыми, ни один маклер Нового Орлеана

не предложит вам лучшего контракта, можете проверить у кого угодно!..

Крысы глазки впились в спину Аллисона, надевавшего широкополую белую шляпу.

— Дела очень плохи, мистер Аллисон! — продолжал маклер. — Если ничего не изменится, через пять лет все мы будем нищими, сэр... Вчера я так и сказал на хлопковой бирже...

— Старые песни, Хорн...

— Нет, сэр, это не старые, это новые песни... Проклятые янки настроили у себя на Севере новых кораблей. Они везут хлопок из Египта и продают его дешевле нашего, сэр!.. Это грабеж, это пиратство!..

— Бросьте, Хорн! — Глаза плантатора брезгливо скользнули по потной лысине толстяка. — Не пытайтесь обмануть меня, старина. Я отлично знаю, что, кроме хлопка, у вас есть ссудные кассы, где заложены штаны всего города!..

Простоватая улыбка расплылась по лицу Хорна.

— Что делать, мистер Аллисон... Каждый из рабов божьих добывает пропитание по разумению своему... Не каждый рождается джентльменом и плантатором, как вы, сэр!

В елейном голосе маклера звучала столь явная насмешка, что Аллисон нахмурился еще больше.

— Словом, Хорн, ваша цена меня не устраивает. Видимо, придется мне поехать к Смайльсу.

— Слово коммерсанта, сэр! — прочувствованно сказал Хорн.—Честное слово коммерсанта, Смайльс не предложит вам и на цент больше!

Аллисон молча направился к лошади, но Хорн догнал его на середине улицы.

Набережная была пустынна, лишь в отдалении молодой негр с меланхолической песней ощипывал петуха. По ветру летел пух.

— Минуточку, мистер Аллисон! — вполголоса сказал Хорн и прикоснулся указательным пальцем к рукаву плантатора. — Вы помните дело с именем Джонса, не так ли? Этот джентльмен подал на меня в суд. Он не деловой человек, сэр! Я не виноват в том, что срок закладной истек. У меня тоже есть семья, о которой я должен заботиться по мере сил моих... Плодитесь и размножайтесь — заповедал господь наш... но какое мне дело до семьи мистера Джонса? О своей семье он должен был заботиться сам... Так вот, мистер Аллисон! — Голос маклера стал еще проникновеннее, он трепетал, словно пел псалом великому богу Наживы. — Одно слово, одно словечко вашему почтенному дядюшке... или хотя бы судье... и я пишу контракт на весь урожай этого года по вашей цене, сэр! Согласны?

Аллисон кисло улыбнулся.

— Вы прекрасно знаете, Хорн, что я не занимаю никакого официального поста. Я могу лишь выразить дяде Джозефу свое личное мнение, но не более того...

— Именно, мистер Аллисон, именно! — закивал маклер. — Вашего личного мнения будет достаточно! Все знают ваш светлый ум, сэр... Эй, Грин! Пожалуйте-ка сюда! — без всякого перехода закричал Хорн молодому человеку, появившемуся из-за угла соседнего дома.

Маклер Арчибальд Фергюсон Грин-младший был совсем еще молод. Неимоверно узкие клетчатые штаны и перстни на пальцах делали его похожим на актера. Высоко взметнув серый цилиндр, он раскланялся с Аллисоном, едва кивнувшим в ответ.

— Приветствую вас, мистер Аллисон! Я несчастен сегодня, чертовски несчастен. Проклятый негр перекормил моего петуха, и Сизый этого болвана О'Келли выбил его на первом круге... Триста мо-

нет, сэр! Но чего не вытерпишь ради благородного спорта, не так ли, сэр?

— Не валяйте дурака, Грин! — оборвал Хорн, и глазки его блеснули свирепо. — Вы, вероятно, забыли, что сегодня аукцион... Плантация Смайльса нам необходима.

Грин расхохотался и размашисто похлопал Хорна по плечу.

— Вы меня рассмешили, старина! Неужели нельзя быть светским человеком, не забывая о делах? Вот купчая. — Он вынул из кармана бумагу. — Сейчас я передам ее клеркам. До свидания, мистер Аллисон! Надеюсь, вы заглянете к Барнею в субботу. Я всегда там. Прекрасная компания, черт меня побери.

Он вспорхнул на крыльцо и исчез в конторе. Аллисон покачал головой:

— Щенок! — сказал он, не понижая голоса. — Наглый щенок... Цилиндр в два фута и трость толщиной с дерево — вот и все, что требуется для того, чтобы стать джентльменом... Ну и щенок!

Хорн улыбался умиротворенно.

— Молодость, мистер Аллисон. Арчи — способный мальчик. С деньгами, что ему оставил старик, он, безусловно, станет крупным негодяем.

— Крупным мошенником, хотите вы сказать, — грубо оборвал Аллисон. Он вложил носок в стремя и легко поднял свое длинное тело в седло. Кобыла прыгнула, негритенок еле успел отскочить. Аллисон ловко повернул лошадь на пируэте.

— Скажите мне что-нибудь, мистер Аллисон! — завопил Хорн. Аллисон засмеялся.

— Ладно, Хорн. Я сделаю, что смогу.

Он отпустил повод, и кобыла рванулась вперед.

— Храни вас бог, мистер Аллисон! Будьте здоровы, сэр!

Улыбаясь, маклер Джереми Хорн долго смотрел на пыльное облачко, поднятое ногами рыжей кобылы. Затем он ушел в контору и захлопнул за собой дверь.

Проскакав несколько улиц, Аллисон сдержал лошадь. Респектабельная часть города осталась позади, перед ним были кварталы городской бедноты. Улица извилистой пестрой лентой уходила вдаль. Здесь не было простора, не было плантаторских особняков. Двух- и трехэтажные старинные дома плотно прижимались друг к другу. По правилам креольской архитектуры верхние этажи сильно выдавались над нижними, окна вторых этажей отстояли всего на несколько футов от окон противоположных домов. Острые черепичные крыши и широкие трубы с желобами помнили еще, казалось, времена короля-Солнца, именем которого была названа французская Луизиана.

Проехала тяжелая колымага, запряженная парой мулов. Сидевший на высоких козлах мулат перехватил бич под мышку и сдернул с головы засаленный цилиндр. Аллисон раскланялся с дамой, юбки которой занимали всю ширину экипажа.

Голова, запрятанная в огромной, как палатка, шляпе, ответила церемонным поклоном.

Проехав, Аллисон покачал головой. Как не стыдно Доббелю выпускать жену в таком ковчеге! Видимо, у всех плохи дела, такой уж выдался этот 1848 год. Астрологи были правы, предсказывая, что он будет тяжелым.

Из переулка, словно груженная баржа, выплыла пожилая леди. Горничная негритянка несла над ней зонтик, хоть солнце и не палило. Негритенок тащил огромный молитвенник.

Обрамленное седыми буклями лицо леди сияло благочестивой уверенностью в себе. Аллисон снова поклонился, получив в ответ благосклонный кивок.

Тихая улица кончилась. Начиналось предместье, низкие хижины, стоявшие рядами. Слышались песни работающих ткачей и детский плач. Запах чеснока — острый запах нищеты — вылетал из окон с висящими на них пеленками.

Пеленки развевались, как белые флаги, выброшенные побежденными в жизненной битве.

Гудели прялки. Бронзовый голый мальчонка вывернулся из-под копыт лошади, шлепнулся в пыль и захлебнулся поросычьим визгом. Никто не вышел, редкие прохожие спешили по своим делам.

Попавшийся навстречу мексиканский вакеро на пегой лошади старательно объехал ревущего мальчонку.

Город кончался. Аллисон пригнулся к седлу, чтобы поднять кобылу вскачь, но снова сдержал ее. Из соседнего переулка неслись крики и звук хлестких ударов.

Аллисон свернул в переулок. Маленький человек в кожаных нарукавниках — очевидно, колбасник или мясник — колотил крупного чернокожего детину, прижав его к стенке сарая.

Негр не защищался. Прикрывая локтями лицо, он подставлял под удары спину и курчавый затылок.

— Проклятая скотина! Грязный негр! — орал мясник с сильным ирландским акцентом. — Тебе не нравится мой товар? Ты хочешь получить деньги обратно, образина? Вот тебе деньги... Вот... И вот... Получи!..

Трое мужчин в расстегнутых жилетах хладнокровно наблюдали за избиением.

— Бей снизу, Пэт! — выплюнув табачную жвачку, посоветовал коренастый старик с татуированной грудью. — Бей снизу, а то только собьешь себе руки.

— Я научу его нюхать! — визжал Пэт, работая кулаками. — Я ему задам, черной скотине! Бейте его, парни! — обернулся он к зрителям, но те успели исчезнуть, словно их и не было. В переулок втиснулась огромная фигура полисмена.

— Прекратить! — рявкнул хриплый бас. Ирландец опустил руки, негр упал, словно одни лишь удары удерживали его на ногах.

— Опять бесчинство, Донован? — проворчал полисмен. — На этот раз тебе придется пойти со мной.

Заплаканная пожилая негритянка в красном фартуке захопотала над лежащим. Она брызгала водой из жестяной кружки, тщетно пытаясь всунуть ее край в губы избитого.

— Вставай, парень! — гаркнул полисмен. — Вставай, идем с нами. Пошли, Донован...

Негр встал и, шатаясь, пошел за полисменом. У ворот долговязый мужчина с трубкой в зубах остановил их.

— Бросьте, Тим. Из-за негра... стоит ли? Право, бросьте...

— Это не в первый раз, Джек, — нахмурясь, ответил долговязому полицейский. — Мистер Донован — первый скандалист в околотке, я давно хотел познакомить его поближе с судьей Морфи. Шагайте, Донован, и ты, парень.

Процессия продолжала путь. Усмехнувшись, Аллисон поднял лошадь в легкий галоп. Надо было спешить, чтобы не опоздать к обеду.

В камере судьи Алонсо Морфи синел уютный полумрак.

Соломенные циновки на окнах были спущены до самого низа, и свирепые лучи не проникали в комнату. Войдя в нее с яркого света, можно было подумать, что в ней темно, но, как только глаза привыкали, становилось понятным, что горбатый клерк в углу, за высокой конторкой, скрипит пером, не требуя лампы. В расстегнутом жилете, без должностного своего парика судья Морфи сидел за столом, задумчиво глядя на шкаф, в котором поблескивали золоченые корешки юридической премудрости.

Пахло в камере, как и во всех канцеляриях мира, чернилами, сукном, бумажной пылью и еще чем-то неуловимо противным. Рослый полисмен с каменной неподвижностью сидел у дверей.

Сквозь окно из находившейся во мраке кутузки неслась бесшабашная песня какого-то пьяницы. Но судья ее не слышал.

Доброе круглое лицо его было немного грустно. На столе перед судьей лежал переплетенный в свиную кожу томик Светония «Жизнеописание двенадцати цезарей».

Судья любил классиков нежной любовью, но сегодня мысли его были далеко.

Потомок старинной и знатной креольской семьи испано-ирландского происхождения, судья Алонсо прожил всю свою жизнь в южных штатах – Луизиане и Южной Каролине. Его дед, капитан Майкл Мэрфи, ирландец на испанской службе, переселился из Севильи в Новый Свет, в город Чарльстоун в Южной Каролине. Фамилия Мэрфи никак не поддавалась испанскому произношению и вскоре превратилась в «Морфи».

Сын Майкла, дон Диего, был генеральным консулом испанской короны во всех южноамериканских штатах. В доме судьи и сейчас висела на стене в дубовой раме жалованная грамота, сделавшая дона

Диего испанским консулом на юге Соединенных Штатов. Она была датирована 1795 годом и подписана доном Хосе Хауденес, премьер-министром испанской короны.

«...Через несколько месяцев, — думал судья, — мне исполнится пятьдесят лет. Пятьдесят лет! А сделано так мало, так непозволительно мало... Жизнь прожита, а каковы ее итоги? Что ж, пожалуй, они не так уж плохи.

Я выбран членом верховного суда штата Луизиана еще десять лет назад. Я мог бы заседать не в камере городского суда, а в пышном трибунале с часовыми у дверей.

Но именно этого-то я и не хочу! Я люблю свою камеру и знаю, что принесу здесь гораздо больше пользы своему народу и своей стране... А дети? Дети — это тоже итог, но подводить его еще рано. Старшая дочь замужем, судьба ее определена. Правда, этот Джон Сибрандт...»

Судья поморщился и сердито отодвинул Светония. Даже себе самому он неохотно признавался в том, что терпеть не может своего энергичного и делового зятя.

«...Эллен — совсем еще малышка. Эдуард — хороший мальчик, спокойный и разумный, с хорошим будущим. А Пол...» Пол всегда тревожил отцовское сердце судьи.

В одиннадцать лет характер должен постепенно обрисовываться, а что он видит у Пола? Огромные способности ко всему, почти невероятную память. Но у него часты внезапные вспышки.

Грубые голоса послышались на крыльце. Судья встрепенулся, и выражение его лица привычно стало деловито-строгим.

Он быстро надел висевший рядом напудренный парик и застегнул жилет на все пуговицы.

Дверь распахнулась. Вслед за синим мундиром полисмена ввалилась процессия, успевшая пополниться в пути свидетелями и любопытными.

— Ваша честь! Справедливости, ваша честь! Проклятый негр! Я расскажу!.. Нет, я!.. — закричали все сразу, но судья сильно пристукнул молоточком по столу. Наступила тишина.

— Здесь не базар, джентльмены! — внушительно сказал судья. — Докладывайте, О'Хара.

— Избиение негра, ваша честь, — пробасил О'Хара. — Пострадавший налицо. Причины неизвестны. Обвиняемый — Пэт Донован, колбасник. Вот этот самый...

Судья снова стукнул молотком и сказал торжественно: — Итак, мистер Пэт Донован, колбасник, расскажите суду все по порядку.

Ирландец рванулся к столу.

— Я хотел бы знать, ваша честь, — заорал он, брызгая слюной. — Я хотел бы знать, в Америке мы живем или нет?

— Не отвлекайтесь, мистер Донован, прошу вас.

— Не буду. Приходит ко мне в лавку этот чертов негр, — а лавка, заметьте, не для негров! — и нахально просит отрезать ему фунт колбасы. Деньгами звенит — украл, наверное, черная образина. В лавке — никого, я и отрезал...

— Ошибка, мистер Донован.

— Я же сказал, в лавке никого не было, судья. А он, собачья морда, понюхал колбасу — понюхал, что твоя леди! — и говорит: «Нет, не нужно мне такой колбасы, верните мне мои деньги». Я, ваша честь, прямо онемел! Ах так! — говорю... — А в какой мы стране живем, это ты знаешь?... Деньги тебе обратно? А вот... а вот...

Ирландец замахал руками.

— Благодарю вас, мистер Донован, достаточно,
— ласково сказал судья.

— Нет, ваша честь, это еще не все! А почему полисмен О'Хара вцепился в меня, а не в негра? Я жаловаться буду, ваша честь!..

— Так было дело, парень? — обернулся судья к негру. Тот, всхлипывая, кивнул.

— Так. Свидетели подтверждают?

— Да, ваша честь... Все правильно, ваша честь... Такой уж наглый негр, ваша честь...

— Откуда ты приехал, парень? — спросил судья.

— Ты, конечно, не здешний?

— Я с Севера, ваша честь. Вчера приехал по реке,
— тихо ответил негр.

— Достаточно!

Судья встал, и молоточек его ударил по столу в третий раз. Лицо судьи теперь не казалось добродушным.

— Именем штата Луизиана! Суд четвертого участка города Нового Орлеана рассмотрел дело на основе законодательства нашего штата. Пишите, Питерс...

Клерк за конторкой прилежно заскрипел пером.

— Суд решил: Патрика Донована, колбасника, за избиение негра, шум и драку в общественном месте оштрафовать на тридцать долларов в пользу потерпевшего. При отказе от уплаты заменить штраф арестом с выполнением работ по благоустройству города сроком на 60 дней.

Судья сел. Ирландец краснел и бледнел со скоростью хамелеона. Свидетели ошарашенно переглядывались.

— Это грабеж!!! — взорвался колбасник, но молоточек судьи снова поднялся над столом.

— Осторожнее, Донован! — ласково сказал судья. — Еще слово — и получите пятьдесят за оскор-

бление суда. Питерс, записали? О'Хара, решение вошло в силу, прошу вас...

О'Хара шагнул к колбаснику и осведомился любезно:

— Угодно вам уплатить штраф, мистер Донован?

Трясаясь от ярости, ирландец достал засаленный кошель.

— Берите, подавитесь моими деньгами...

Он выложил на стол три золотые монеты и выскочил на улицу как ошпаренный.

— Черт вас подери, судья Морфи! — заорал он оттуда. — Есть в этой стране и другие суды, кроме вашей паршивой камеры! Суд Линча придуман не для одних чернокожих! Он годится и для тех, кто за них чересчур заступается! И пусть я съем свои уши...

В дверях показался синий мундир, и вопли ирландца, удаляясь, затихли в уличной пыли.

Судья Морфи снял парик и засмеялся. Свидетелей уже не было. Избитый негр сидел, прижавшись, в углу.

— Возьми деньги, парень, и ступай домой, — сказал судья. — Да постарайся не попадаться на глаза мистери Доновану, а то в другой раз О'Хара может и опоздать... Иди домой и помни, что ты на Юге. Южнее не бывает... Здесь Миссисипи впадает в Мексиканский залив, понятно? Не забывай этого никогда.

— О масса Морфи! — забормотал негр. — Вы как господь Саваоф, верно говорю, как господь Саваоф! — Он схватил деньги, чмокнул не успевшую отдернуться руку судьи и выбежал на улицу.

Судья потянулся сладко, так, что хрустнули все суставы и заскрипел дощатый пол.

— Пожалуй, хватит на сегодня, Питерс, — сказал он клерку. — Седьмой час, пора по домам.

Запирайте камеру, Мэлони, — обратился он ко второму полисмену и спрятал томик Светония в карман. — До завтра, друзья.

Судья через заднюю дверь вышел во двор и взобрался на небольшую рыжую лошадку.

— Будьте здоровы, ваша честь! — хором сказали Питерс и полисмены. Судья поправился в седле и выехал на извилистую улицу. Он был доволен собой. Ха, как взбесился этот тщедушный скандалист! Подлый трус, он бьет лишь того, кто не может дать сдачи. Как много мусора в стране, и с каждым годом его становится все больше. Вот и еще одна жалоба на него будет подана в верховный суд, это ясно. Но, слава богу, там не все таковы, как почтеннейший мистер Донован. Прогресс смягчает нравы, утверждали энциклопедисты. Почему же он смягчает их так чертовски медленно?..

Лошадка весело бежала домой по широкой дороге, усаженной по обочинам буками и кленами. Город остался позади. Лошадка сама свернула с дороги на узенькую тропинку. Густые кусты орешника били всадника по коленям. Стало прохладно. Сойка кричала жалобно и упрямо.

Пахло лесной прелью, жирным запахом чащи.

«Что будет дальше? — невесело думал судья. — В Европе идут бои. Император Николай расстрелял венгерскую революцию, австрийцы расстреливают итальянцев, борющихся за свободу... В Париже — баррикады, на этот раз последышам Бурбонов не удастся уцепиться за престол... Все это понятно и закономерно, но почему пахнет порохом в мирной Америке, где нет ни феодалов, ни королей? Почему так накалены страсти, так обострились ненависть и национальная рознь? Почему Аллисон и его друзья при каждом удобном случае кричат «Долой французов!»?»

Луизиана* принадлежала Франции много лет, потом стала принадлежать Соединенным Штатам... Вполне естественно, что французов здесь много. Он и сам женат на француженке, и дети его — наполовину французы... Почему потомки французов хуже, чем потомки англичан? Почему креолы хуже пришедших с Севера англосаксов?

Они считают, что купили Луизиану, но разве страну можно купить?!

Судья погнал лошадку рысью. Вскоре показался двухэтажный домик, тонувший в сплошной, как озеро, бесконечной зелени. Седой негр принял лошадь.

Разминая затекшие ноги, судья поднялся на террасу. Смуглый черноглазый мальчик лет одиннадцати стремительно выбежал ему навстречу.

* Луизиана Одна из богатейших областей американского Юга в низовьях реки Миссисипи была «открыта» и захвачена французами еще при короле Людовике XIV, «короле-Солнце», и в честь него названа Луизианой. В течение долгого времени она сохраняла все особенности феодального строя. Под давлением США Франция в 1812 году продала им свои «права» на Луизиану.